E 34 / 359

Ю. ...

ПРОФ. Н. Ѳ. ВЫСОЦКІЙ.

Роль женщины

въ исторіи

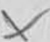
НАШЕЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1908.

Е 34 / 359

ПРОФ. Н. Ѳ. ВЫСОЦКІЙ.

Роль женщины

въ исторіи

НАШЕЙ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ.

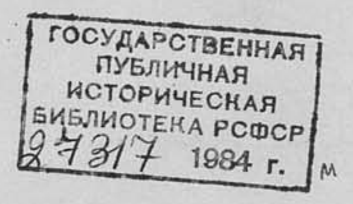

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1908.

КН | МР

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Арх., Ист. и Этн. при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Секретарь *Б. Варнеке.*

Отдѣльный оттискъ изъ 1-го выпуска XXIV тома «Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи».

Посвящаю дочери моей

З. Н. Ушковой.

Роль женщины

въ исторіи нашей народной медицины [1]).

У нашихъ предковъ, Славянъ, уже на зарѣ ихъ исторіи, выдѣляется особый классъ людей, занимавшихся врачеваніемъ. Люди эти назывались: „вѣщими (т. е. мудрыми), знахарями, лѣкарями, волхвами, кудесниками“, такъ какъ первобытное врачеваніе было неразрывно связано съ гаданіями, заклинаніями, чарами, чудесами.

Рядомъ съ „вѣщими мужами“ существовали и „вѣщія жены“, которыя, конечно, должны были обладать тѣми-же свѣдѣніями, тою-же „мудростью“.

Есть основанія даже предполагать, что дѣломъ ухода за больными и врачеваніемъ, въ древне-славянскихъ обществахъ, занимались *по преимуществу женщины*.—„Славяне язычники, говоритъ *Забѣлинъ* [2]), смотрѣли на женщину, какъ на существо миѳическое, обладавшее даромъ гаданій, чарованій, пророчества; она знала тайны естества и потому въ ея рукахъ, по преимуществу, хранилось врачеваніе отъ болѣзней, а слѣдовательно—колдовство, вѣдовство, заклинанія. Она находилась въ близкихъ связяхъ съ миѳическими силами и располагала какъ добромъ, такъ и зломъ этихъ силъ“.

Въ сверхъестественныхъ силахъ и знаніяхъ женщинъ были убѣждены не только язычники, но и христіане.—Одинъ

---

[1]) Докладъ въ годичномъ собраніи Общ. Арх. Ист. и Этн. при Император. Каз. Унив., 18 марта 1908.

[2]) *И. Забѣлинъ*: «Домашній бытъ русскихъ царицъ». Стр. 80.

изъ древнихъ лѣтописцевъ утверждалъ, что даръ волхвованія чаще всего дается женщинамъ: „Паче женами бѣсовскія волшвенія бываютъ; изкони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа[1]), такожде въ родѣхъ мнозѣхъ всѣ жены волхвуютъ чародѣйствомъ и отравою и иными козньми бѣсовскими“ [2]).

Языческая мудрость вѣщихъ женъ, въ глазахъ христіанъ лѣтописцевъ, конечно, должна была казаться „дьявольскимъ наущеніемъ, кознями бѣсовскими“, тѣмъ болѣе, что и сами волхвы утверждали ихъ въ этомъ мнѣніи.

Откуда-же, изъ какихъ общественныхъ слоевъ, исходили вѣщія жены, гдѣ и какъ онѣ научались своей мудрости и въ чемъ она состояла? Отвѣты на эти вопросы даютъ намъ нѣкоторыя мѣста нашихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ.

Одно изъ древнѣйшихъ сказаній о *вѣщей дѣвѣ*, лѣкаркѣ, хотя и изложенное въ позднѣйшей христіанской обработкѣ, находится въ муромской легендѣ о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи [3]).

Муромскій князь Петръ, убивъ мечомъ летавшаго къ женѣ его брата Павла дьявольскаго змѣя, былъ обрызганъ его нечистой кровью и вслѣдствіе этого „острупѣлъ“ и покрылся язвами по всему тѣлу. Долго лѣчился онъ, но исцѣленія не получалъ, наконецъ, услыхавъ, что въ предѣлахъ Рязанскихъ много искусныхъ врачей, отправился туда. Пріѣхавъ онъ послалъ одного изъ своихъ приближенныхъ отъискивать врачей. Посланный имъ юноша отправился „въ весь, нарицаемую Ласково“, подошелъ къ воротамъ одного дома и, никого не встрѣтивъ, вошелъ въ него.

Вступивъ въ хоромину юноша увидалъ *чудное видѣніе.*

---

[1]) Очевидно имѣются въ виду Адамъ и Ева.

[2]) *Сахаровъ*: «Сказанія Русскаго народа. Русское народное чернокнижіе». Изд. Суворина. Спб. 1885 г. Стр. 16.

[3]) *Ѳ. Буслаевъ*: «Историческіе очерки русской народной словесности и искусства». X. «Пѣсни древней Эдды о Зитурдѣ и Муромская легенда». Стр. 269 и сл.

сидитъ дѣвица и точетъ кросна, а передъ нею *скачетъ заяцъ.* И проговорила дѣвица: „не хорошо быть дому безъ ушей, а храму безъ очей“. Юноша, не понявъ этихъ словъ, спросилъ дѣвицу: „гдѣ хозяинъ дома“? Она же отвѣтствовала: „отецъ и мать моя пошли взаемъ плакать, братъ же мой пошелъ черезъ ноги внави зрѣти“. Юноша опять не понялъ, что она говоритъ и дивился, *видя и слыша дѣла подобныя чуду,* и сказалъ дѣвицѣ: „вошелъ я и увидѣлъ тебя за работою, а передъ тобою скачущаго зайца и услышалъ изъ устъ твоихъ какія то странныя рѣчи и не понимаю, что говоришь ты“.

Тогда дѣвица отвѣтствовала: „какъ же ты не понимаешь? Пришелъ ты въ этотъ домъ, и въ хоромину мою вошелъ, и увидѣлъ меня сидящую въ простотѣ. Если-бы въ дому нашемъ былъ пёсъ, и почуявъ, какъ ты подходишь, залаялъ бы на тебя, то не увидалъ бы ты меня сидящую въ простотѣ,—это дому уши. А если бы въ храминѣ моей былъ мальчикъ, то увидѣвъ, что ты сюда входишь, сказалъ бы мнѣ,—это храму очи. Я сказала тебѣ, продолжала дѣвица, про отца моего и мать, что пошли взаемъ плакать,—такъ они пошли на погребеніе мертваго и тамъ плачутъ; когда по нихъ, по самихъ придетъ смерть,—другіе по нихъ станутъ плакать: это заимодавный плачъ. А про своего брата сказала потому, что онъ и отецъ мой *древолазцы,*—въ лѣсу съ деревъ мёдъ собираютъ; братъ мой и отправился на такое дѣло. А лѣзучи вверхъ на дерево, черезъ ноги къ землѣ смотрятъ, думая, чтобы не урваться съ высоты; кто урвется—погибнетъ. Поэтому и сказала, что пошелъ черезъ ноги внави зрѣти“ [1]).

Эта дѣвица была Февронія. Юноша повѣдалъ ей о болѣзни князя и спросилъ: не знаетъ-ли она врачей по имени и гдѣ они живутъ? А она: „еслибъ кто потребовалъ князя твоего себѣ, то могъ-бы уврачевать“. Юноша, опять не понявъ ея

---

[1]) «Въ *нави*» значитъ собственно въ *могилу.* «Нава» у славянъ означало и лодку и могилу, что указываетъ на древнѣйшій обрядъ похоронъ въ лодкѣ (нава—navis). Потомъ уже слово *навье* получило смыслъ мертвеца.

словъ, обѣщалъ, отъ имени болящаго, за исцѣленіе большую награду и просилъ указать жилище врача. „Приведи сюда князя, сказала дѣвица, и если онъ будетъ мягкосердъ и смиренъ въ отвѣтахъ, будетъ здоровъ“. Князя привезли въ весь, гдѣ жила Февронія. Въ отвѣтъ послу, вновь отправленному къ ней за врачемъ, она сказала: „я сама уврачую князя, но имѣнія отъ него не потребую. Вотъ мое условіе: „если не буду его супругою, то не стану его лѣчить“. Посланный передалъ князю отвѣтъ. Князь, пренебрегая словами ея, и помысливъ о томъ, какъ князю взять себѣ въ жены дочь древолазца, велѣлъ ей сказать обманомъ: „пусть уврачуетъ, я женюсь на ней“. Тогда Февронія, взявъ малый сосудецъ, почерпнула *кисляжди* [1]), *дунула на нее* и сказала: „да учредятъ князю вашему *баню*, и вотъ этимъ помажутъ его по тѣлу, гдѣ струпы и язвы, *а одинъ струпъ оставьте не помазанъ* и выздоровитъ“. Когда князю принесли это снадобье, онъ велѣлъ приготовить баню, а дѣвицу вздумалъ искусить: дѣйствительно ли она такъ премудра, какъ говорилъ его юноша. Князь послалъ Февроніи съ своимъ слугою одно повѣсмо (связку) льну, сказавъ: „дѣвица эта хочетъ быть моей супругою ради своей мудрости; если она точно премудра, пусть учинитъ мнѣ изъ этого повѣсма льну срачицу, порты и убрусецъ (полотенце), въ то время пока буду въ банѣ“. Когда слуга принесъ Февроніи это порученіе, она сказала ему; „взлѣзь на печь, возьми съ грядъ полѣнцо и снеси его сюда“. Слуга исполнилъ ея приказаніе; она же, отмѣривъ пядью, велѣла полѣно отсѣчь, слуга отсѣкъ. Тогда она сказала: „возьми этотъ утинокъ (отрубокъ) и отдай своему князю, сказавъ: пока я это повѣсмо очешу, пусть приготовитъ мнѣ князь изъ этого утинка станокъ и все строеніе, чѣмъ сотку для него полотно“. Получивъ отвѣтъ, князь велѣлъ ей сказать, что изъ такого малаго деревца и въ такой короткій срокъ нельзя исполнить ея порученія.

---

[1]) По видимому—кислаго кваса или гущи.

Тогда и Февронія тѣмъ же отвѣчала князю и относительно его порученія.

И подивился князь ея мудрости, и, пошедши въ баню, исполнилъ все, какъ она велѣла, и совсѣмъ исцѣлился: все тѣло его стало гладко, остался только одинъ струпъ, который не былъ помазанъ. И дивился князь скорому исцѣленію, но не хотѣлъ на Февроніи жениться, *отечества ея ради*[1]); и послалъ къ ней дары, она же даровъ не приняла. Но только что онъ отъѣхалъ въ свою отчину, съ того-же самаго дня, отъ оставленнаго имъ струпа стали расходится по всему тѣлу другіе, и сталъ онъ такъ же острупленъ, какъ и прежде; и опять воротился за исцѣленіемъ отъ дѣвицы. Она же, ни мало не держа гнѣва, сказала: „если будетъ мнѣ супружникъ, да будетъ уврачеванъ". Тогда князь съ твердостью далъ ей слово, и отъ того же врачеванья исцѣлился и взялъ ее себѣ въ супруги. Такимъ образомъ стала Февронія княгинею. И пришли они въ отчину свою, въ градъ Муромъ, и жили во-всякомъ благочестіи, „ничтоже отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще".

Вскорѣ умеръ князь Павелъ и на мѣсто его сталъ *самодержцемъ* города Мурома Петръ. Но княгиню его Февронію бояре не любили „женъ ради своихъ", потому что стала она княгинею „не отечества ея ради, Богу же прославляющу, добраго ради житія ея".

Однажды одинъ изъ бояръ донесъ князю Петру, что княгиня безчинно изъ-за стола выходитъ, взявъ въ руки свои изъ-за стола крохи, будто голодная. Князь, желая провѣрить доносъ, велѣлъ княгинѣ обѣдать за однимъ столомъ съ собою. Послѣ обѣда Февронія, по обыкновенію, взяла со стола крохъ. Князь взялъ ее за руки, развелъ ихъ и „*вмѣсто крохъ увидѣвъ ливанъ доброводный, виміамъ*", пересталъ искушать ее.

Спустя нѣкоторое время пришли къ нему бояре и заявили

---

[1]) Т. е. ради ея низкаго происхожденія.

съ яростію: „мы хотимъ всѣ праведно служить тебѣ, но княгини Февроніи не хотимъ, да государствуетъ женами нашими. И если хочешь самодержецъ быть, да будетъ у тебя другая княгиня; Февронія же пусть возьметъ богатства довольно и идетъ куда хочетъ“. Князь, выслушавъ спокойно это дерзкое предложеніе, отвѣтилъ: „пусть скажутъ объ этомъ самой Февроніи и, якоже рѣчетъ, да слышимъ“. Тогда бояре неистовые, исполнившись безстыдія, умыслили сдѣлать пиръ. И когда были навеселѣ, обратились къ княгинѣ съ такой просьбой: „госпожа княгиня Февронія! Весь городъ и бояре тебѣ говорятъ: дай намъ, чего мы у тебя попросимъ!“ А она: „возьмите, что просите“. Тогда всѣ единогласно воскликнули: „всѣ мы князя Петра хотимъ, да самодержствуетъ надъ нами; тебя же жены наши не хотятъ, да господствуешъ надъ ними! Возьми себѣ богатства довольно и иди куда хочешь“. Февронія отвѣчала имъ, „что просите будетъ вамъ, только и вы дайте мнѣ чего у васъ попрошу“. Бояре съ клятвою обѣщали исполнить ея просьбу. Тогда Февронія сказала: „ничего иного не прошу у васъ, только супруга своего князя Петра“. Они же отвѣтствовали: „какъ хочетъ самъ князь“, потому что врагъ (дьяволъ) вложилъ имъ помыслъ поставить себѣ иного самодержца и каждый изъ бояръ держалъ на умѣ быть на мѣстѣ князя.

Блаженный же Петръ не взлюбилъ временнаго самодержавства, кромѣ Божіихъ Заповѣдей, по нимъ шествовалъ и держался ихъ, якоже богогласный Матвѣй въ своемъ Благовѣстіи вѣщаетъ: „аще пуститъ жену свою и оженится иною, прелюбы творитъ“. И князь сотворилъ по заповѣдямъ: власть свою яко уметъ (помётъ) вмѣнилъ, и отправился изъ города вмѣстѣ съ супругою. Бояре дали имъ суда, на которыхъ они и поплыли по Окѣ, протекавшей подъ городомъ.

Когда къ вечеру суда начали ставить около берега, сгрустнулось князю, что онъ лишился власти, но Февронія ободрила и утѣшила его.

Поваръ началъ готовить ужинъ, сломавъ два малыхъ деревца, воткнулъ въ землю и повѣсилъ на нихъ котелъ. Послѣ

ужина Февронія благословила эти деревца, сказавши: *„да будутъ эти деревца наутріе древіе велико съ вѣтвями и листьями“; такъ и совершилось.*

На слѣдующій день утромъ, только стали прислужники складывать въ суда поклажу, изъ Мурома пришли вельможи съ извѣстіемъ, что тамъ происходитъ великое кровопролитіе, по причинѣ споровъ между боярами, кому изъ нихъ княжить. Для прекращенія общаго бѣдствія посланные, отъ имени всего города, просили у князя прощенія и умоляли его воротиться и княжить надъ Муромомъ.

Князь Петръ, никогда не держа гнѣва, воротился вмѣстѣ съ супругою и властвовали оба, заботясь о благѣ своего города.

И просили Петръ и Февронія у Бога, чтобы послалъ имъ смерть въ одинъ часъ, и сотворили совѣтъ, да будутъ положены въ одномъ гробѣ, раздѣленномъ перегородкою. И оба въ одно время облеклись въ монашескія ризы. Князь Петръ въ иночествѣ нарѣченъ былъ Давидомъ, а Февронія—Ефросиніей.

Однажды Февронія работала воздухи въ соборный храмъ. Князь Петръ присылаетъ ей сказать, что уже отходитъ отъ сей жизни. Февронія просила его подождать пока кончитъ воздухи. Онъ шлетъ къ ней въ другой разъ, наконецъ въ третій. Тогда Февронія оставила работу и послала увѣдомить князя „о преставленіи купномъ“ [1]).

Бояре, презрѣвъ ихъ завѣщаніе, положили тѣла ихъ въ разные гроба, говоря, что въ монашескомъ образѣ не подобаетъ класть князя и княгиню въ одномъ гробѣ. Князя Петра положили внутри города, въ соборномъ храмѣ Богородицы, а Февронію—за городомъ, въ женскомъ монастырѣ, въ церкви Воздвиженія. Общій же гробъ, который князь и княгиня еще при жизни своей велѣли вытесать изъ одного камня, бояре оставили пустымъ, въ томъ же соборномъ храмѣ. Но на другой

---

[1]) 25 іюня 1228 г.

день особные гроба оказались пусты, а тѣла князя и княгини лежали въ общемъ гробѣ. Ихъ опять разлучили, и опять, на другой день, тѣла были вмѣстѣ. Потомъ уже никто не осмѣливался прикоснуться къ этимъ святымъ тѣламъ, которыя такъ и остались въ одномъ гробѣ.

Вотъ, вкратцѣ, содержаніе прекрасной легенды о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи [1]). Несмотря на историческую, христіанскую обработку этой легенды, въ ней, какъ замѣтилъ уже *Буслаевъ*, совершенно ясно выступаетъ древнѣйшее доисторическое преданіе [2]).

„Уже при самомъ вступленіи своемъ на сцену Февронія является въ обстановкѣ *вѣщей дѣвы*, говоритъ *Буслаевъ*. Она сидитъ за кроснами, занимается *тканьемъ*, какъ дѣва судьбы въ Сербской сказкѣ, или какъ Идисы и Норны нѣмецкой миѳологіи, которыя ткутъ, растягиваютъ и связываютъ нити судьбы человѣческой. Передъ вѣщей ткачихой скачетъ для чего то заяцъ“ [3]).

Посланнаго княземъ Петромъ юношу Февронія встрѣчаетъ рядомъ *загадокъ*, которыхъ онъ не понимаетъ; загадками же состязается она и съ княземъ, убѣждая этимъ его въ своей мудрости.

Далѣе, передавая юношѣ сосудецъ „кисляжди“, она предварительно *дуетъ на него*, какъ бы сообщая, такимъ образомъ, лѣкарству присущую ей цѣлебную силу.

За тѣмъ, поставивъ условіемъ излѣченія князя замужество съ нею, Февронія *предвидитъ*, что онъ, несмотря на обѣщаніе, не исполнитъ условія, и приказываетъ помазать, даннымъ лѣкарствомъ, князя по всему тѣлу, за исключеніемъ

---

[1]) Мы пропустили въ ней нѣкоторые эпизоды, какъ напр. борьбу князя Петра съ змѣемъ, обличеніе Февроніей, во время путешествія по Окѣ, одного человѣка въ дурныхъ противъ нея помыслахъ, потому что эпизоды эти не относятся къ интересующему насъ здѣсь вопросу.

[2]) О. с. стр., 294.

[3]) Т.-же стр., 296.

одного струпа. Князь излѣчивается, но не женится на Февроніи и уѣзжаетъ въ Муромъ. Тогда, отъ оставшагося не помазаннымъ струпа, болѣзнь снова расходится по всему тѣлу.

Сдѣлавшись княгиней, Февронія посрамляетъ своей мудростью взбунтовавшихся бояръ и *творитъ чудеса*: превращаетъ хлѣбныя крошки въ фиміамъ, заставляетъ сухія деревца, за одну ночь, произрости въ большія деревья съ вѣтвями и листьями.

Такимъ образомъ Февронія представляетъ всѣ характерные признаки *вѣщей лѣкарки*: она знаетъ болѣзни и умѣетъ излѣчивать ихъ; назначая лѣкарства она, по видимому, усиливаетъ ихъ дѣйствіе „заговорами", такъ какъ дуновеніе составляетъ обычный пріемъ, сопровождающій заговоры; она обладаетъ высшей мудростью, даромъ предвидѣнія и силою творить чудеса.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о зайцѣ. *Буслаевъ* недоумѣваетъ, для чего онъ скачетъ передъ Февроніей. Не расчитывая вполнѣ разъяснить это недоумѣніе, мы, тѣмъ не менѣе, считаемъ не лишнимъ высказать, по поводу его нѣкоторыя соображенія.

Заяцъ, почти повсемѣстно въ Россіи, простымъ народомъ, считается „*поганымъ*", потому „*ѣсть его грѣхъ*". Встрѣча съ зайцемъ не только у насъ, но и у другихъ славянскихъ племенъ, а также у Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ предвѣщаетъ *несчастіе*. У мусульманъ послѣдній годъ, употребляемаго у нихъ для лѣтосчисленія 10 лѣтняго цикла, называется годомъ зайца—„куянъ" и считается *несчастнымъ* годомъ.

Ближайшимъ источникомъ этихъ повѣрій, говоритъ профессоръ *Н. Ѳ. Сумцовъ* [1]), является демоническое значеніе зайца. О такомъ значеніи его у Европейскихъ народовъ и

---

1) *Н. Ѳ. Сумцовъ*: «Заяцъ въ народной словесности». Отд. оттискъ X книги «Этнографическаго Обозрѣнія». Москва 1891 г.

въ частности у Славянъ существуетъ много повѣрій и сказокъ.—Малороссы вѣрятъ, что заяцъ сотворенъ чертомъ и служитъ ему передовымъ. По повѣрьямъ Бѣлоруссовъ чертъ можетъ перебѣжать дорогу новобрачнымъ чернымъ зайцемъ. Въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ вѣдьмы часто обращаются въ зайцевъ. Подобныя же повѣрья существуютъ въ Бельгіи и во Франціи. Въ средне-вѣковыхъ судебныхъ процессахъ о вѣдьмахъ встрѣчается обвиненіе, что онѣ отправлялись на демонскіе шабаши въ видѣ зайцевъ.

На основаніи вышеизложеннаго, кажется, можно думать, что присутствіе зайца въ комнатѣ Февроніи должно имѣть то же значеніе, что и присутствіе черной кошки, ворона или совы, въ жилищахъ другихъ волшебницъ и кудесницъ, гдѣ животныя эти являются воплощеніями духовъ, служащихъ волшебницамъ.

Кромѣ полумиѳической лѣкарки Февроніи, исторія представляетъ намъ еще множество женщинъ, занимавшихся врачеваніемъ и неразрывно съ нимъ связанными, въ древнія времена, гаданіями и волшебствомъ.

Такъ „Домострой“ (написанный въ первой половинѣ XVI вѣка) говоритъ, что бабы колдуньи ходили по боярскимъ домамъ, лѣчили недуги, переносили вѣсти и особенно охотно были принимаемы на женской половинѣ.

Бабы эти не только колдовали и лѣчили сами, но и обучали своему искусству другихъ. Въ „Притчѣ о женской злобѣ“, между прочимъ, указывается слѣдующее: „издѣтска начнетъ она (женщина) у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать (учиться чародѣйству) и еретичества искать, и вопрошати будетъ многихъ, како бъ ей замужъ выйтить и какъбы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и взыщетъ обавниковъ и обавницъ и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою будетъ шепты изощряти (т. е. наговаривать надъ ѣдой) и подъ нозѣ сыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи и

всякія прилучившіяся къ тому промышляти и кореніемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надъ мужемъ чаруетъ" [1]).

Въ 1497 г. великій „князь Иванъ III" опалу положилъ на жену свою, вел. княгиню Софію о томъ, что „къ ней приходиша бабы съ зеліемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнить—потопить въ Москвѣ рѣкѣ нощію, а съ нею съ тѣхъ мѣстъ (поръ) нача жити въ береженіи" [2]).

Великая княгиня Соломонія, супруга Василія Ивановича, чтобы излѣчиться отъ неплодія, приказывала Ивану Юрьевичу Сабурову: „есть на Москвѣ жонка, Степанидою зовутъ, рязанка, и ты ее добудь и ко мнѣ пришли". Онъ Стефаниду отыскалъ и черезъ жену свою доставилъ къ Великой Княгинѣ. „Ворожея смотрѣла ей брюхо и сказывала, что дѣтей у нея не будетъ; потомъ наговаривала въ рукомойникѣ на воду и совѣтывала вел. княгинѣ тою водою умываться, чтобы любилъ ее мужъ, а когда понесутъ къ нему сорочку, чехолъ или порты, и въ то время она-бы, смочивъ свои пальцы, охватывала ими бѣлье". Въ другой разъ великая княгиня говорила Сабурову: „сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (т. е. можетъ отвратить неплодіе), а сама безноса, и ты ту черницу добудь". Черница была найдена, приведена къ Сабурову на подворье и тамъ „наговаривала не то на масло, не то на медъ и посылала къ вел. княгинѣ съ Настею (женою Сабурова) и велѣла ей тѣмъ тертися отъ того-же, чтобъ ее князь великій любилъ, да и дѣтей дѣля, и вел. княгиня тѣмъ снадобьемъ терлась" [3]).

Князь Курбскій упрекаетъ своихъ современниковъ: „яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ

---

[1]) *Аѳанасьевъ*: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу». Т. III. Стр. 603.

[2]) Тамъ-же. Стр. 615.

[3]) *Аѳанасьевъ*, l. c. Т. III. Стр. 614.

дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и *бабъ смывателей и шептуній* и иными разными чарами чарующихъ, общующеся со діаволомъ и призывающихъ его на помощь" [1]).

Негодованіе Курбскаго имѣло, по видимому, и личное основаніе. Когда князь женился въ Литвѣ на Марьѣ Юрьевнѣ Козинской, довольно пожилой вдовѣ, то она также прибѣгала къ чарамъ, чтобы упрочить расположеніе мужа.—При обыскѣ, въ сундукѣ ея были найдены: „мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими снадобьями, которыя дала княгинѣ одна старуха для того, чтобы ее любилъ мужъ" [2]).

Знаменитый воевода князь Воротынскій, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ вѣдьмами, былъ преданъ Иваномъ Грознымъ жесточайшимъ пыткамъ. Когда связали князя, привели и поставили передъ царемъ, то онъ сказалъ ему: „се на тя свидѣтельствуетъ слуга твой, иже мя еси хотѣлъ очаровати и добывалъ еси на мя *бабъ шепчущихъ*" [3]).

Самъ Грозный, по словамъ Гернсея, будучи тяжко болѣнъ и устрашенный кометой 1584 года, которая, какъ онъ думалъ, была знаменіемъ его смерти, рѣшился прибѣгнуть къ волшебству: по его указу, на Сѣверѣ Россіи, было собрано *до шестидесяти чародѣекъ* и привезено въ Москву. Онѣ содержались подъ стражей и царскій любимецъ Богданъ Бѣльскій ежедневно посѣщалъ ихъ, выслушивалъ и передавалъ Царю ихъ предвѣщанія. Колдуньи утверждали, что свѣтилы небесныя враждебны для Государя, и что онъ умретъ 18-го Марта. Царь пришелъ въ бѣшенство и высказалъ желаніе, чтобы въ этотъ самый день лживыя колдуньи были преданы сожженію. Утромъ 18 марта онъ почувствовалъ себя лучше и послалъ Бѣльскаго объявить чародѣйкамъ: какая ожидаетъ ихъ казнь за ложное предсказаніе.—„Не гнѣвайся бояринъ! отвѣчали, онѣ, день начался съ восходомъ солнца, а кончится только

---

[1]) Тамъ-же. Стр. 617.
[2]) Тамъ-же. Стр. 616.
[3]) Тамъ-же. Стр. 618.

съ его закатомъ". Между тѣмъ царь собирался играть въ шахматы, началъ было разставлять ихъ, но вдругъ упалъ въ обморокъ и вскорѣ затѣмъ испустилъ послѣднее дыханіе [1]).

Такимъ образомъ, сегодня исполнилось ровно 324 года со дня смерти Грознаго царя.

При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1632 году, была отправлена въ Псковъ грамота съ воспрещеніемъ, подъ смертною казнію, покупать у литовцевъ хмѣль, потому что „посыланные за рубежъ лазутчики объявили, что есть въ Литвѣ *баба вѣдунья и наговариваетъ она на хмѣль, вывозимый въ рускіе города, съ цѣлію навести на Русь моровое повѣтріе*" [2]).

Во время возстанія Стеньки Разина (1671—72 г.), когда Юрій Долгорукій двинулся къ Темникову, то жители вышли къ нему на встрѣчу съ крестами и иконами, моля о прощеніи и выдали, какъ главныхъ заводчиковъ смуты, двухъ поповъ и *старицу* „которая войско себѣ сбирала и съ ворами вмѣстѣ воевала, да съ нею-же принесли воровскія *заговорныя письма и коренья*. Воевода приказалъ ихъ пытать и огнемъ жечь, и „воръ—старица въ распросѣ и съ пытки сказалась: зовуть ее Аленою, родиною де она города Арзамаса, Выѣздные слободы, крестьянская дочь, и была замужемъ тое-жъ слободы за крестьяниномъ, а какъ де мужъ ея умеръ и она постриглась и была во многихъ мѣстахъ на воровствѣ и *людей портила*, а въ нонешнемъ 1671 году, пришедъ она изъ Арзамаса въ Темниковъ и сбирала съ собой на воровство многихъ людей... и стояла въ Темниковѣ на воевоцкомъ дворѣ съ атаманомъ съ Ѳедькою Сидоровымъ и *его учила вѣдовству*".—Поповъ повѣсили, а „вора—старицу, за ея вѣдовство, и съ нею воровскіе письма и коренья", сожгли въ срубѣ" [3]).

Въ 1674 году, въ Тотьмѣ, была сожжена въ срубѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, женка Ѳедосья, оговорен-

---

[1]) Тамъ-же, стр. 620.
[2]) Тамъ-же, стр. 624.
[3]) Тамъ-же, стр. 627.

ная *въ порчѣ*; передъ самой казнію она заявила, что ни кого не портила, а поклепала на себя при допросѣ, не стерпя пытки [1]).

Въ разрядной книгѣ 1675 г. записано извѣстіе о бояринѣ Ѳедорѣ Куракинѣ, которому вѣлено было не съѣзжать съ своего двора до государева указу за то, что онъ держалъ у себя въ домѣ *„вѣдомую ворихуn дѣвку Ѳеньку слѣпую и ворожею“*.

Я не рѣшаюсь утомлять ваше вниманіе дальнѣйшими историческими справками и попытаюсь теперь сдѣлать нѣкоторые выводы изъ приведеннаго лѣтописнаго матеріала.

Наши лѣтописи указываютъ, что большинство „вѣщихъ женъ“ выходило изъ темной народной среды и уже по этому одному должно было пользоваться въ ней большимъ уваженіемъ и довѣріемъ чѣмъ другіе врачеватели, напр. изъ православнаго духовенства, вступившаго, съ самаго начала, въ упорную борьбу съ этими „обавницами“ и „двоевѣрками“.

Искусство врачеванія у насъ весьма рано сдѣлалось наслѣдственнымъ въ извѣстныхъ семьяхъ, гдѣ оно передавалось отъ матери любимой дочери, отъ бабушки любимой внучкѣ. Изученіе этого искусства, очевидно, и тогда уже было дѣломъ нелегкимъ, къ которому начинали „навыкать“ чуть не съ дѣтства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ приведенное нами выше мѣсто изъ „Притчи о женской злобѣ“.

Число лѣкарокъ въ древней Руси, повидимому, было весьма значительно. Въ ихъ средѣ мы находимъ уроженокъ: Орла, Чернигова, Тотьмы, Нижегородской земли и другихъ. Нѣкоторыя области особенно славились изобиліемъ искусныхъ врачей, какъ напр. Рязанская.

Много знахарокъ стекалось въ Москву, въ надеждѣ имѣть болѣе выгодные заработки и надежды эти, очевидно, оправдывались. Здѣсь онѣ находили обширную практику, не

---

[1]) Тамъ-же.

только въ нисшихъ слояхъ городского населенія, но и въ боярскихъ палатахъ и даже въ теремахъ государей. Высокіе паціенты, а особенно паціентки, охотно приглашали „женокъ рязанокъ“ и „безносыхъ старицъ“ въ случаяхъ болѣзней, неплодія, охлажденія супружской любви и пр. и, конечно, щедро оплачивали ихъ труды, въ случаяхъ дѣйствительнаго, или кажущагося успѣха. Но если зелья, шептанія и наговоры лѣкарокъ не помогали, то возникали подозрѣнія: не умышляли-ли онѣ лиха на здоровье государя, государыни или дѣтей ихъ. Заподозрѣнныхъ забирали, обыскивали и, конечно, находили обычныя принадлежности ихъ ремесла—травы, коренья, золу, песокъ, волосы, соль, мыло и т. п. Нахожденіе подобныхъ, иногда совершенно невинныхъ, „снадобій“ являлось уже тяжелой уликой. Несчастныхъ женщинъ подвергали допросамъ съ обычными для тогдашняго судопроизводства пытками—встряхивали на дыбѣ, били кнутомъ, жгли огнемъ и пр. Понятно, что при такихъ условіяхъ обвиняемыя не только сознавались въ своихъ дѣйствительныхъ провинностяхъ, но нерѣдко принимали на себя, „не стерпя пытки“, преступленія, которыхъ не совершали. Когда желаемое сознаніе подсудимой было получено—наказаніе не заставляло себя ждать. Въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ преступницъ ссылали въ дальніе города—въ Вятку, Пелымь „къ Соли Вычегодской“, обыкновенно съ мужьями и семьями, хотя бы они не принимали никакого участія въ дѣяніяхъ обвиненной. Если же преступленіе знахарки признавалось болѣе тяжкимъ, ее предавали казни—топили въ рѣкѣ, или сжигали въ срубѣ.

Изъ среды „вѣщихъ женъ“ постепенно начали выдѣляться спеціалистки, посвящавшія себя изученію того или другого отдѣла тогдашней медицины. Лѣтописи называютъ: „бабъ шептуній и смывательницъ“, лѣчившихъ заговорами—„шептами“, произносившимися надъ водою, которой потомъ обмывались или обрызгивались больные; „зеленьщицъ“ и „кореньщицъ“, пользовавшихъ травами—„зельями“ и кореньями; затѣмъ были: „костоправки“, занимавшіяся леченіемъ выви-

ховъ и переломовъ костей; были лѣкарки занимавшіяся спеціально леченіемъ „килъ“ или „грыжъ“, какъ назывались вообще болѣзненныя опуханія.

Раньше другихъ, вѣроятно, выдѣлись *„повивальныя или принимальныя бабки“*, которыя у французовъ и доселѣ называются мудрыми женами—Sages-femmes. У насъ онѣ теперь безразлично называются „повивальными бабками“ или „бабушками повитухами“, хотя значеніе словъ „бабка“ и „бабушка“ совершенно различно. Словомъ „бабушка“, какъ извѣстно, обозначается опредѣленная степень родства, а въ народномъ говорѣ—также и вообще старая женщина. Названіе „бабушки“, присвоенное повитухамъ, указываетъ на то, что дѣло помощи при родахъ издревле находилось въ рукахъ престарѣлыхъ женьщинъ („старицъ“), которыя, благодаря своей долгой жизни, могли пріобрѣсти необходимыя знанія и опытность. И въ настоящее время деревенскими повитухами являются преимущественно старухи, мужнія жены и вдовы, имѣвшія дѣтей. Послѣднее условіе обязательно,—повитухой не можетъ быть ни „баба—неро́дица“, т. е. никогда не рожавшая, ни тѣмъ болѣе дѣвица, такъ какъ, по народнымъ вѣрованіямъ, роды не могутъ проходить благополучно въ присутствіи такихъ лицъ.

Отъ слова „бабка“ происходитъ глаголъ „бабкать“—нашептывать, ворожить. Поэтому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, называютъ и мужчинъ, занимающихся колдовствомъ и врачеваніемъ—„бабками“ [1]).

Такимъ образомъ нужно полагать, что наши древнія повитухи обладали не только извѣстными акушерскими свѣдѣніями, но и тѣми таинственными знаніями, которыя были свойственны „вѣщимъ женамъ“ вообще. Въ пользу высказаннаго предположенія говорятъ также различные заговоры,

---

[1]) Смотри объясненіе слова «бабка» у А. Афанасьева: «Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу». Т. III стр. 433—34. Также. у Максимова: «Деревенскій колдунъ». Историческій Вѣстникъ 1878 г. Т. 28, стр. 5—4.

заклинанія и мистическіе пріемы, употребляемые деревенскими повитухами и доселѣ при родахъ, обмываніи новорожденнаго, перевязкѣ пуповины и т. п. [1]).

Дѣломъ врачеванія въ древней Руси занимались, впрочемъ, не исключительно женщины изъ простонародья.—Среди темной толпы различныхъ лѣкарокъ—„шептуній, смывательницъ, зеленьщицъ,—бабъ двоевѣрныхъ", которыя „наговаривали и на просфоры, и на ладонъ, и на рубашечные вороты", обращались съ молитвами и къ Божіей Матери и къ „матушкѣ—землѣ сырой", исторія выдвигаетъ свѣтлый образъ лѣкарки—боярыни, Іуліаніи Лазаревской.

Житіе Іуліаніи описано сыномъ ея Калистратомъ, по прозванію Дружиной, Осорьинымъ, изъ котораго я и заимствую слѣдующія краткія выдержки [2]).

Точный годъ рожденія Іуліаніи не извѣстенъ, въ „житіи" указано лишь, что она родилась „во дни благовѣрнаго царя Ивана Васильевича". Родителями ея были: „отъ царскаго двора нѣкоторый мужъ, благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, по прозванію Недюровъ, саномъ ключникъ и жена его, боголюбива и нищелюбива, именемъ Степанида, Григорьева дочь, Лукина, отъ предѣловъ города Мурома". Супруги жили „во всякомъ благочестіи и чистотѣ, и было у нихъ много сыновей и дочерей, много богатства и рабовъ множество. Отъ нихъ же родилась и блаженная Іуліанія". Когда Іуліаніи исполнилось шесть лѣтъ отъ роду, мать умерла и ее взяла на воспитаніе бабушка, Анастасія Григорьевна Лукина, „и воспитывала ее во всякомъ благочестіи и чистотѣ". Когда блаженной исполнилось 12 лѣтъ, умерла и бабушка, завѣщавъ дочери своей Натальѣ Араповой взять къ себѣ въ домъ внучку и „воспитать ее во всякомъ благочестіи". Новая

[1]) См Майкова: «Великорусскія заклинанія».

[2]) См. Ѳ. Буслаева: «Древне-русская народная литература и искусство» Т. II. 1861 г. VIII. «Идеальные женскіе характеры древней Руси. II. Іуліанія Лазаревская». Стр. 251 и сл.

семья, въ которую попала Іуліанія, состояла изъ простыхъ, добрыхъ и расположенныхъ къ ней людей, но по своему нравственному и умственному складу совершенно не подходившихъ къ ней.—Боярышни Араповы были, по видимому, добрыя, веселыя дѣвушки, любившія сладко поѣсть, понѣжиться въ мягкихъ постеляхъ, попѣть, поиграть, поплясать, посмѣяться. Никакіе нравственные запросы не нарушали ихъ жизнерадостности. „Блаженная же (Іуліанія) отъ младыхъ лѣтъ возлюбила Бога и Пречистую Его Матерь, любила смиреніе и молчаніе, молитвѣ и посту прилежала. За то тетка ее бранила, и сестры надъ ней смѣялись, и говорили ежедневно: „о безумная! За чѣмъ въ такой молодости плоть свою изнуряешь и красоту свою дѣвственную губишь! И часто понуждали ее съ ранняго утра ѣсть и пить. Но она, премного почитая тетку свою и сестеръ, все же не вдавалась ихъ волѣ, хотя съ благодарностью все принимала, чаще же съ молчаніемъ отходила, потому что съ дѣтскаго возраста была кротка, молчалива и невеличава. Отъ смѣха и всякой игры удалялась, и хотя много разъ отъ сверстницъ своихъ на игры и пѣсни пустошныя была принуждаема, однако не приставала къ ихъ сборищу. Только о пряжѣ и пяличномъ дѣлѣ прилежаніе великое имѣла, и во всю ночь не угасалъ свѣтильникъ ея. А сиротъ, и вдовъ, и немощныхъ въ веси той всѣхъ обмывала, и всѣхъ нуждающихся и больныхъ не оставляла безъ призрѣнія".

На шестнадцатомъ году Іуліанія была отдана, въ предѣлахъ города Мурома, „мужу доброродну и богату, именемъ Георгію, по прозванію Осорьину". Вѣнчаны они были въ селѣ ея мужа, въ церкви праведнаго Лазаря, по которой и село называлось Лазаревскимъ и сама Іуліанія въ „житіи" получила званіе „Лазаревской".

Новобрачныя поселились въ домѣ свекра, человѣка богатаго, знатнаго, и „царю знаемаго". Свекоръ и свекровь, „видя сноху свою возрастомъ и всякою добротою исполнену и разумну, радовались о ней и хвалу Богу воздавали. И

поручили ей править все домовое хозяйство. Она же со всѣмъ смиреніемъ послушаніе и повиновеніе имѣла къ нимъ и все повелѣнное ими не прекословно совершала".

Всѣ въ дому ея были одѣты и насыщены и каждому она дѣло по силѣ его давала, а гордости и величанія не любила. Простымъ именемъ ни кого не называла и не требовала, чтобы ей кто на руки воды подалъ, или отъ ногъ ея сапоги отрѣшилъ, но сама все творила".—„Кто же я сама убогая (говорила себѣ Іуліанія), что предстоятъ мнѣ такіе же человѣки, созданіе Божіе"?

Конечно, среди многочисленной челяди боярскаго дома были и „рабы неразумны, и непокорливы, и лѣнивы на дѣло, иные на словахъ перечливы, но она все со смиреніемъ терпѣла, все собою исправляла и на себя вину возлагала, говоря: „сама я передъ Богомъ всегда согрѣшаю, что же мнѣ на нихъ взыскивать? Такіе же люди какъ и я. Хоть и въ рабство намъ ихъ Богъ поручилъ, но души ихъ больше нашихъ цвѣтутъ", потому что она помнила слова Спасителя: „не обидите малыхъ сихъ, ангели бо ихъ всегда видятъ лицо Отца Моего Небеснаго". И никого отъ провинившихся рабовъ не оклеветала; и за то много разъ отъ свекра и свекрови и отъ мужа своего бывала бранима".

Іуліанія прожила съ мужемъ много лѣтъ въ любви и согласіи. У нихъ родилось десять сыновей и три дочери, изъ которыхъ шестеро умерли во младенчествѣ, а шестерыхъ сыновей и одну дочь родители воспитали, прославляя Бога".

„Ненавидящій же добро дьяволъ, говоритъ „житіе", всячески старался бѣду и искушеніе Іуліаніи сотворить и воздвигалъ пустыя брани между дѣтьми ея и рабами, и навадилъ одного изъ рабовъ и этотъ рабъ убилъ ея старшаго сына" а вскорѣ и другого ея сына убили на царской службѣ. Тяжко скорбѣла несчастная мать о погибшихъ дѣтяхъ, „но душевно, а не тѣлесно,—не кричала, не терзала на себѣ волосъ, какъ дѣлаютъ другія, но днемъ поминала дѣтей своихъ молитвою и кормила нищихъ, а ночи безъ сна проводила,

моля Бога со слезами объ отпущеніи грѣховъ умершихъ чадъ своихъ". Но всего этого казалось Іуліаніи недостаточно, и она „начала молить мужа отпустить ее въ монастырь, но тотъ никакъ не преклонялся къ ея просьбѣ. Она же говорила: „если не отпустишь, то бѣгомъ изъ дому своего утаюсь". Но мужъ заклиналъ ее не оставлять его,—самъ онъ состарѣлся, а дѣти еще малы. И читалъ онъ ей книги Блаженнаго Косьмы пресвитера и прочихъ святыхъ отцовъ.—„Не спасутъ насъ, сказано, ризы черныя, если не по монашескому чину живемъ, и не погубятъ насъ ризы бѣлыя, если богоугодно творимъ. Кто не стерпя нищеты отходитъ въ монастырь, не думая пещись о дѣтяхъ, тотъ не труда ищетъ и не любви Божіей, но хочетъ только отдыхать...... Если и чужихъ сиротъ велено кормить, то тѣмъ паче не морить своихъ". И многія другія божественныя писанія читалъ мужъ предъ Іуліаніей".

„Она же, послушавъ, оставила свое намѣреніе. Но умолила мужа не имѣть съ нею супружескаго союза, хотя и жить вмѣстѣ. Сама же, какъ птичка изъ сѣтей вырвалась, отверглась всего мірского и къ единому Богу всею душею своею обратилась".

Вскорѣ для ея христіанскаго подвижничества открылось новое, широкое поле.—„Гнѣвъ Божій постигъ Русскую землю—наступилъ великій голодъ, отъ котораго много людей помирало. Іуліанія не только отдавала голоднымъ всѣ свои избытки, но „беря у свекрови себѣ пищу, будто бы на утренее и полуденное яденье, отдавала нищимъ".

За голодомъ послѣдовалъ „сильный моръ на людей,—многіе умирали болѣзнію прозванною пострѣломъ", (по современной номенклатурѣ—чумой). „И многіе неразумные, говоритъ авторъ житія, изъ боязни, въ домахъ своихъ запирались и язвенныхъ пострѣломъ къ себѣ не пущали и къ одеждѣ ихъ не прикасались".

Боязнь эта была далеко не такъ неразумна, какъ думалъ авторъ.—Русскіе люди, въ то время, хорошо знали страшную заразительность и опасность чумы, которая втеченіи одного

только XVI-го столѣтія дала не менѣе пяти, широко распространившихся эпидемій, сопровождавшихся огромной смертностью [1]).

Знала, несомнѣнно, объ этой опасности и Іуліанія, тѣмъ не менѣе *„тайно отъ свекра и свекрови*, зараженныхъ многихъ, своими руками въ банѣ обмывая, исцѣляла и Бога молила объ исцѣленіи“.

Дѣло врачеванія въ рукахъ богатой и знатной боярыни Іуліаніи, являлось, конечно, не ремесломъ, или средствомъ наживы, какъ у описанныхъ нами выше „бабъ смывательницъ“, а высокимъ подвигомъ христіанской любви къ ближнимъ. И она взяла на себя этотъ подвигъ, несмотря на огромную опасность, которой подвергалась сама и подвергала своихъ семейныхъ, обмывая больныхъ чумою и ухаживая за ними.

Страшная болѣзнь пощадила Іуліанію. Она дожила до времени Годунова и умерла 10 января 1605 года.

Всѣ описанные нами доселѣ типы женщинъ—врачевательницъ, какъ ни разнообразны они въ отдѣльности, въ общемъ имѣютъ одну присущую всѣмъ имъ черту.—Всѣ онѣ были полными невѣждами въ медицинской наукѣ и лѣчили своихъ больныхъ, слѣпо слѣдуя преданіямъ, завѣщаннымъ предками. Самыя способы врачеванія представляли пеструю смѣсь грубаго эмпиризма съ различными мистическими пріемами, каковы, заговоры, заклинанія, сбрызгиванія и т. п.

Совершенно иной типъ женщины-врачевательницы представляетъ царица Зоя.—Внучка литературно-образованнаго Владиміра Мономаха, дочь Мстислава Владиміровича и Христины Шведской, Евпраксія—Добродѣя, родилась около

---

[1]) См. «Труды Общества врачей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, за 1879 годъ. Сборникъ статей о чумѣ, подъ редакціей Н. Ѳ. Высоцкаго», вып. I.

1108 года. „Повидимому еще въ дѣтствѣ, говоритъ Хр. Лопаревъ [1]), она заинтересовалась собираніемъ травъ и кореньевъ и распознаваніемъ ихъ цѣлебныхъ свойствъ". Въ 1121 году она вышла замужъ за Византійскаго царя Алексѣя Іоанновича Комнина и при бракосочетаніи и коронованіи получила свое особое имя „царицы Зои". Отъ брака она имѣла одну дочь, пережила своего супруга, занималась воспитаніемъ дочери, которую впослѣдствіи выдала замужъ. Зоя скончалась въ преклонномъ возрастѣ, около 1180 г., на восьмомъ десятилѣтіи жизни. Евпраксія-Зоя, по выходѣ замужъ, долго была бездѣтна, вела тихую жизнь въ обществѣ литературно-образованной царевны Анны Комниной и севастокриториссы Ирины, изъ которыхъ первая написала біографію отца своего, императора Алексѣя 1-го, а вторая—покровительствовала ученымъ и особенно интересовалась исторіей.

Царица Зоя, согласно изслѣдованіямъ г. Лопарева, написала, въ тридцатыхъ годахъ XII столѣтія, на греческомъ языкѣ, медицинскій трактатъ, подъ названіемъ „Ἄλειμμα", т. е. „Мазь".

Трактатъ этотъ—небольшое сочиненіе, сохранившееся, къ сожалѣнію, не въ полномъ видѣ, представляетъ, въ большей своей части, руководство по гигіенѣ, въ различныхъ случаяхъ человѣческой жизни, начиная съ акта зачатія ребенка.

Странное названіе „мази" трактатъ Зои, по мнѣнію Лопарева, получилъ вслѣдствіе того, что различныя натиранія и намазыванія тѣла примѣнялись чрезвычайно широко, съ предохранительными и лѣчебными цѣлями, классическими народами; въ самомъ трактатѣ много говорится о мазяхъ и намазываніяхъ, да, наконецъ, и на родинѣ Зои, въ древней Руси, мази и натиранія играли видную роль въ народномъ врачеваніи.

---

[1]) «Русская княжна Евпраксія Мстиславна (XII в.), какъ вѣроятный авторъ медицинскаго сочиненія». Хр. Лопарева. По корректурнымъ листамъ, любезно предоставленнымъ въ мое распоряженіе почтеннымъ авторомъ.

Сочиненіе Зои можетъ быть раздѣлено на 5 частей. Изъ нихъ первыя три содержатъ въ себѣ гигіеническіе совѣты и указанія, а двѣ послѣднія—описанія нѣкоторыхъ болѣзней и средствъ противъ нихъ.

Первая часть имѣетъ характеръ *общей гигіены.* Въ ней Зоя дѣлитъ человѣческіе организмы на четыре категоріи, сообразно четыремъ странамъ свѣта: востоку, характерная особенность котораго—теплота и сухость, западу—холодъ и сухость, югу—теплота и влажность, и сѣверу—холодъ и влажность.

Здѣсь, какъ замѣчаетъ Лопаревъ, мы видимъ зачатки средневѣковаго ученія о темпераментахъ: сангвиническомъ, холерическомъ, флегматическомъ и меланхолическомъ. Далѣе Зоя разсматриваетъ вопросы: о вліяніи временъ года на различные организмы, о пользѣ и вредѣ различныхъ пищевыхъ веществъ и т. п.

Первая часть заключаетъ въ себѣ слѣдующія 9 небольшихъ главъ: 1-я не имѣетъ начала, 2-я „о благораствореніи воздуховъ", 3-я „объ образѣ жизни въ различныя времена года", 4-я „о движеніи и покоѣ", 5-я „о пищѣ, питьѣ, снѣ и пробужденіи", 6-я „объ очищеніи", 7-я „о потѣ", 8-я „о мочѣ", и 9-я „о банѣ.

Вторая часть „Мази", можетъ быть названа *гигіеной брака, беременной и новорожденнаго,* она состоитъ изъ слѣдующихъ 5 главъ: 10-я „о соитіи", 11-я „о беременной и объ утробномъ", 12-я „о томъ, какъ вести себя кормилицѣ" 13-я „объ уходѣ за ребенкомъ" и 14-я „о благообразіи тѣла".

Третья часть „Мази"—*Гигіена питанія.* Подобно тѣлу, и различныя пищевыя средства обладаютъ „холодными" или „теплыми" свойствами, напр: не смѣшанное вино, медъ и нѣкоторые сорта мясъ обладаютъ теплыми свойствами. Вообще-же, по словамъ Зои, „всякая пища и питье, насколько изобилуетъ въ нихъ сладость, настолько изобилуетъ и теплота". Другія вещества, по природѣ своей холодны, напр: сандалъ,

розовый экстрактъ, миртовое масло и т. п.

Третья часть состоитъ изъ 8 главъ: 15-я „о дѣйствіи пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ", 16-я „Περὶ καταστάτου" 17-я „о жулапѣ", 18-я „о (растительныхъ) маслахъ", 19-я „о мясахъ", 20-я „о молокѣ и маслѣ", 21-я „о рыбахъ", 22-я „объ ароматахъ и приправахъ къ кушаньямъ".

Четвертая часть, трактующая *о наружныхъ болѣзняхъ*, заключаетъ въ себѣ всего 5 главъ и состоитъ преимущественно изъ рецептовъ: 23-я глава—„на паршивость головы", 24-я „о болѣзняхъ рта", 25-я „чтобы сдѣлать зубы бѣлыми" (рецептъ), 26-я „когда зубы качаются" (рецептъ), 27-я „на дурной запахъ рта" (рецептъ).

Пятая часть состоитъ всего изъ двухъ главъ: 28-й „о болѣзняхъ сердца" и 29-й „о болѣзняхъ желудка".

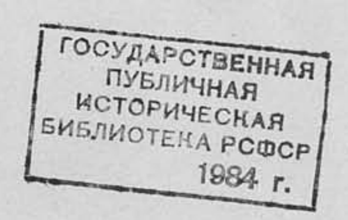
Нѣкоторые совѣты и наставленія царицы Зои, насколько можно судить по приведеннымъ г. Лопаревымъ отрывкамъ изъ ея сочиненія, такъ раціональны, что подъ ними не задумается подписаться и современный, научно-образованный врачъ. Такъ, въ главѣ „о томъ какъ нужно себя вести беременной и о плодѣ въ ней", Зоя говоритъ: „когда жена зачнетъ во чревѣ и будетъ у ней отсутствіе аппетита къ пищѣ, (когда) она будетъ стремиться къ постыднымъ кушаньямъ, къ острымъ и тому подобнымъ, нужно ей остерегаться усталости, подыматься на высокія мѣста и спускаться съ нихъ... Пусть она моется въ баняхъ съ умѣренною температурою" и т. д. Въ главѣ „о томъ какъ вести себя кормилицѣ" Зоя говоритъ: „Кормилицѣ нужно быть молодой..... съ умѣреннымъ тѣломъ, ни толстой, ни худощавой, не имѣющей въ тѣлѣ своемъ ни недуговъ, ни какой-либо болѣзни, имѣющей совершенно бѣлое и душистое молоко". Въ пищѣ Зоя совѣтуетъ кормилицѣ воздерживаться отъ стручковыхъ плодовъ (бобовъ) и холодящихъ овощей, ѣсть мясо молодыхъ животныхъ и птицъ, мыться черезъ три дня въ банѣ. Въ главѣ объ уходѣ за ребенкомъ, у котораго прорѣзываются зубы, рекомендуется:

„сохранять его грудь и шею отъ катарровъ, исходящихъ отъ головы".

„Появленіе сочиненія царицы Зои, говоритъ Лопаревъ, было безъ сомнѣнія событіемъ огромной важности.—Она первая изъ медиковъ византійскаго времени сдѣлала попытку представить медицинскія свѣдѣнія въ одномъ общемъ руководствѣ, привела въ систему эти разрозненныя свѣдѣнія и обратила вниманіе на гигіену такихъ сторонъ человѣческой жизни, которыя обойдены византійской медициной" [1]).

Я не буду здѣсь разбирать вопросъ о томъ: оказало-ли какое либо вліяніе сочиненіе Зои на составъ столь распространенныхъ въ древней Руси, „цвѣтниковъ, травниковъ, зелейниковъ", по которымъ милліоны русскихъ людей лѣчились чуть не до прошлаго столѣтія, такъ какъ достовѣрное рѣшеніе этого вопроса пока невозможно. Но если, въ настоящее время, можетъ считаться доказаннымъ, что авторомъ „Ἄλειμμα" была русская женщина, жившая за восемь съ половиною столѣтій до нашего времени, то будущая исторія русскихъ женщинъ-врачей должна начинаться свѣтлымъ именемъ Евпраксіи-Зои [2]).

Ник. Высоцкій.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
1984 г.

---

[1]) l. c. стр. 12—13.

[2]) Сомнѣнія на этотъ счетъ недавно были высказаны г. Пападимитріу, См. «Лѣтописи историко-филолог. Общества при Импер. Новороссійскомъ университетѣ». Т. XIII.

5=
123731/984

